
ИЗМЕНА
Тост для мертвеца
18+
АЛЁНА МЭЙ

Алёна Мэй

Измена. Тост для мертвеца

«Автор»
2026

Мэй А.

Измена. Тост для мертвеца / А. Мэй — «Автор», 2026

— Назад! Никто не подходит к мосткам! Там труп!Двенадцать лет брака рухнули за двадцать минут до моего тоста. На сорокалетие мужа я увидела, как его молодая помощница дарит ему тест с двумя полосками.Я не стала кричать и бить посуду. Просто подняла бокал перед гостями и ушла из этого брака достойно.Вот только уехать из лесного отеля не успела. Ночью метель замела дорогу и оборвала связь до понедельника, а на заснеженных мостках у озера нашли тело.Теперь под одной крышей заперты те, кому есть что скрывать. Муж впервые борется за меня и не собирается отпускать.А рядом оказывается другой мужчина — спокойный, надёжный, с которым не страшно остаться в темноте. Вот только до понедельника ещё нужно дожить.- Измена перед юбилеем и достойный разрыв на глазах у всех- Властный муж, который не сдаётся- Надёжный второй герой — опора, напряжение и горячие сцены- Запертый метелью отель, чужие тайны и интрига до финала- Сильная героиня, накал чувств, борьба за любовь и ХЭ

© Мэй А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. За час до музыки 5
Глава 2. Хрусталь на морозе 10
Глава 3. Отрезанный берег 15
Г 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Алёна Мэй
Измена. Тост для мертвеца

Глава 1. За час до музыки

— Назад! Никто не подходит к мосткам! Там труп!

От крика Мирона я застыла на нижней ступеньке крыльца, вцепившись в перила. Слово «труп» никак не вязалось ни с жёлтым светом из окон ресторана, ни с легкой музыкой, которая звучала оттуда. Там, за моей спиной, ещё кто-то смеялся. А здесь, у самой воды, на занесённых снегом досках лежал человек.

* * *

Двенадцатью часами раньше я сама крутила руль на трассе из Верхнеозёрска и думала только о том, не помялось ли платье в чехле.

Дорогу почистили с утра, но ветер всё равно тянул через асфальт сухую позёмку. Навигатор обещал «Кедровую Заимку» через пятнадцать минут, а телефон уже потерял половину делений сети.

Я ехала первой. Родион должен был выехать из города позже с друзьями и партнёрами: три машины, чемоданы, коробки с напитками и его вечное умение превратить день рождения в деловой приём.

Ему исполнялось сорок. Место на берегу озера Лисьего, в трёх часах от города, он выбрал сам — чтобы никто из гостей не уехал домой раньше времени. Мне эта затея даже понравилась. Восьмилетнюю Машу забрала к себе моя мама.

Я детский стоматолог. За обычную смену успеваю уговорить десяток перепуганных малышей просто открыть рот и не плакать. К пятнице от чужих слёз устаёшь сильнее, чем от самой работы. На эти три дня я хотела одного: перестать за всё отвечать, надеть наконец каблуки, и потом нормально выспаться.

Сразу за поворотом сосновой просеки показался отель. Добротный двухэтажный сруб, широкая веранда и парковка на десяток мест, расчищенная до тёмного гравия.

Я поставила машину с краю, достала из багажника дорожную сумку и чехол с платьем. Мороз щипал щёки, снег скрипел под сапогами. В холле было тепло, от стойки бара пахло свежесваренным кофе.

Администратор сразу выдала мне ключ-карту от двести четвёртого номера, но подниматься наверх я не спешила. Сначала решила заглянуть в банкетный зал и проверить рассадку. Списки гостей мы с Родионом составляли вдвоём, и путаница с карточками на столе всё бы испортила.

В зале уже накрывали длинный стол. Свежие скатерти, высокие бокалы и почему-то бордовые розы в низких вазах. Я заказывала белые.

— Девушка, туда пока нельзя, — послышалось от арки.

Я обернулась. У стены стоял плечистый мужчина в тёмном пальто поверх чёрной водолазки, а рядом с его ногой сидел крупный чёрный лабрадор. В руках незнакомец держал связку ключей и смотрел на меня без особого приветствия.

— Я жена юбиляра, — сказала я и кивнула на стол. — Мы оплачивали белые розы. Эти слишком тёмные, да и в глазах от них рябит.

Он прищурился, перевёл взгляд на вазы, потом снова на меня. У глаз наметились сухие лучики морщин — такие бывают у людей, которые много времени проводят на воздухе.

— Мирон Ветров, директор, — коротко представился он. — Белые не довезли из-за заноса на перевале. Пришлось забирать то, что оставалось в оранжерее в соседнем районе. Если совсем не нравятся, могу убрать цветы и поставить еловые ветки.

— Хвоя над тарелками с жульеном? Оригинально. Я Лида.

Я подошла к ближайшему стулу и отодвинула одну из ваз к краю скатерти, чтобы не закрывала вид на заснеженное озеро за окном.

— Если расставить их реже, будет лучше, — сказала я. — И гости смогут видеть друг друга через стол.

Уголки его губ дрогнули, и он вдруг коротко усмехнулся. Напряжение с его лица сошло, и он сразу показался проще.

Мирон обернулся к молодому официанту, который раскладывал приборы в дальнем конце зала.

— Паша, сдвинь цветы к окнам и убери половину через место, — спокойно распорядился он. — И проверь сервировку на левом краю, у вас там салфетки лежат неровно.

Парень торопливо кивнул и сразу перешёл к дальней части банкетного ряда.

— Извините за накладку с оранжереей, Лида, — уже мягче обратился ко мне Мирон. — Раз вы приехали раньше остальных, могу заодно показать зимний сад. Ваш муж просил вечером открывать его для тех, кто устанет от громкой музыки.

Я перехватила ручки сумки поудобнее и прикинула время.

— Только быстро. Хочу успеть переодеться до приезда наших.

Я поставила дорожную сумку и чехол на свободное кресло возле арки и пошла за ним к высокой застеклённой створке в боковой стене. Чёрный пёс без единого звука поднялся с пола и зашагал рядом с хозяином.

За створкой открывалась просторная веранда с панорамными окнами в пол. Вдоль прогретых стен стояли крупные кадки с зеленью, а посредине — плетёные кресла вокруг низкого столика.

За стеклом темнела полоса сосен и гладкое белое озеро. От самого берега в снег уходили длинные деревянные мостки с аккуратными фонарями на столбах. Низкие тучи уже затянули край неба, и по льду побежала мелкая сухая позёмка.

— Хорошее место, — признала я, подходя ближе к окну. — Тихо здесь.

— Летом сюда едут на природу, — ответил Мирон, остановившись в шаге сбоку. — А зимой — чтобы на пару дней выключить телефоны и побыть в тишине.

Он провернул ручку узкой выходной створки, чтобы показать расчищенную ступеньку крыльца. Снаружи сразу потянуло резким ветром, на гладкую плитку у самого порога намело тонкую полоску сухого снега.

Я сделала шаг к выходу, и мокрый каблук моего сапога тут же поехал по влажному камню.

Мирон перехватил меня раньше, чем я успела опереться о косяк. Его ладонь крепко легла мне на талию, вторая придержала за плечо, и по инерции я оказалась прижата прямо к его груди.

От его пальто пахло морозным воздухом и едва уловимым дорогим парфюмом. За пару секунд, пока я восстанавливала равновесие, он не отстранился. Просто держал, глядя сверху вниз так внимательно и спокойно, что я вдруг забыла, зачем мы сюда вообще заходили.

— У вас тут всегда так опасно? — спросила я негромко. На его виске темнела крошечная родинка.

— Только у этого порога, — так же тихо ответил он. Пальцы на моей талии задержались на лишний вдох, потом он аккуратно разжал руку и отступил на полшага. — Скажу горничной, чтобы постелила здесь коврик.

Пёс ткнулся холодным носом мне в ладонь, и неловкость сразу ушла. Я погладила собаку между ушами.

— Отличный у вас помощник.

— Барон редко подходит к посторонним, — заметил Мирон, закрывая уличную створку на защёлку. Он бросил короткий взгляд на посыпавший за рамой крупный снег. — Хорошо, что ваши гости уже на подъезде: к вечеру обещают сильную метель.

Мы вернулись в холл, и я забрала от арки свои вещи как раз в ту минуту, когда под окнами зашумели моторы.

Во двор заехали три машины. Первым из чёрного внедорожника вышел Родион — в расстёгнутом кашемировом пальто, бодрый, с привычной широкой улыбкой человека, вокруг

которого строится весь праздник. Он обнял меня на крыльце, чмокнул в щёку и тут же отвернулся отдавать распоряжения водителю насчёт чемоданов.

Следом вышли наши друзья Глеб и Инна Ковалёвы. Инна с порога начала жаловаться на разбитую трассу и густой снег, который залеплял лобовое стекло, а Глеб молча вытаскивал из багажника сумки, ссутулившись сильнее обычного. Чуть позади громко командовал Борис Аркадьевич — главный партнёр мужа по бизнесу, человек с таким басом, что ему в любом зале не нужен микрофон.

Из третьей машины вышла Анжелика.

Высокая, в светлом полушубке, с аккуратно уложенными светлыми волосами и кожаной папкой под мышкой. Помощница Родиона. Я сама вписывала её в список гостей две недели назад, когда мы вечером сидели на кухне. Муж тогда заглянул мне через плечо и попросил: «Не забудь Анжелику, она столько тащила на себе перед этим отчётом, пусть хоть пару дней отдохнёт за городом».

Я ещё кивнула ему — девушка и правда работала без выходных.

В холле сразу стало тесно и шумно. Кто-то просил горячий чай, кто-то забирал ключи, Борис Аркадьевич уже уточнял у администратора, растопят ли баню к ночи. Я поднялась на второй этаж, в двести четвёртый номер.

Родион обещал зайти через двадцать минут, но задержался внизу с гостями. Я не торопилась.

Сняла пуховик и свитер, поставила сапоги у входа. Приняла быстрый душ, высушила волосы и надела бордовое платье чуть ниже колена. Переобулась в мягкие туфли на невысоком устойчивом каблуке. В маленький чёрный клатч переложила телефон и ключ-карту, достала из дорожной сумки подарочную коробочку с дорогими часами — муж присматривался к ним ещё с осени.

На экране телефона было 17:50. В шесть начинался банкет. За окном уже выл ветер, и свет парковки внизу с трудом пробивался сквозь плотный косой снег.

Я закинула в клатч коробочку с часами, заперла номер и спускалась по боковой лестнице к малой гостиной, куда договорились складывать букеты и свёртки до начала ужина.

Меня почти бегом обогнала Анжелика, уже переодетая в изумрудное платье с открытой спиной.

За ней в двух шагах торопился тот самый молодой официант в белой рубашке и жилете — Паша.

— Анжелика, подожди, — негромко позвал парень и попытался взять её за руку. — Я только хотел спросить, ты ведь вчера говорила…

— Паша, не здесь, — резко оборвала она и выдернула запястье. — У меня работа, не придумывай лишнего.

Она ускорила шаг и скрылась за поворотом. Паша постоял пару секунд, покраснел до ушей, потом заметил меня у лестницы и сразу отвёл взгляд, поправляя манжету рубашки. Я удивилась: что вообще может их связывать? Но все же я прошла мимо, решив, что не стану лезть в чужую неловкость.

Подойдя к малой гостиной, я уже потянулась к ручке, но остановилась. Дверь была со стеклом; изнутри её закрывала светлая штора, но край ткани съехал в сторону, оставив у косяка широкую прозрачную полосу.

В двух шагах от порога, прямо под настенным светильником, стояли двое. Родион и Анжелика.

Из-за плотно закрытой двери и музыки, которую как раз проверяли в соседнем помещении, я не слышала ни звука. Только видела.

Анжелика улыбалась — не дежурной рабочей улыбкой, а мягко, чуть смущённо. Она протянула Родиону небольшой белый футляр, перевязанный красной атласной лентой. Пока бант не был развязан, это выглядело как обычный сувенир от подчинённой.

Родион потянул за край ленты. Снял крышку, заглянул внутрь и замер.

Потом вынул узкий белый пластик с колпачком. Повернул к свету бра, и в маленьком окошке проступили две тёмные полоски. Обычный аптечный тест. Точно такой же я держала в руках девять лет назад, перед рождением Маши.

Пальцы сами сжали гладкие грани подарочной коробки.

Родион убрал тест обратно. Посмотрел на Анжелику, шагнул ближе, обнял её за плечи и притянул к себе. Наклонился и поцеловал в лоб.

Они простояли так несколько секунд. Я не слышала ни слова из того, что он говорил ей, уткнувшись в волосы. Но со стороны всё было понятно и без слов: мой муж получил лучший подарок к своим сорока годам.

За моей спиной в банкетном зале заиграла музыка громче — ведущий звал гостей к столам, а по стёклам в холле сухо зашуршала очередная волна снега.

Я тихо отступила от двери на шаг. Потом ещё на один. Часы в моих руках вдруг показались смешными и ненужными.

Я вернулась в коридор, глубоко вдохнула, поправила браслет на запястье и пошла в банкетный зал. До моего тоста оставалось ровно двадцать минут.

Глава 2. Хрусталь на морозе

К шести часам длинный стол в банкетном зале гудел от разговоров и звона приборов. Официанты, Паша и две девушки в белых фартуках, быстро разносили закуски и подливали в высокие бокалы охлаждённые напитки.

Я сидела по правую руку от именинника. Подарочную коробочку с часами опустила прямо перед его тарелкой — на белый край скатерти, рядом с салфеткой.

Родион покосился на плотную упаковку и накрыл мою ладонь своей, сохраняя широкую праздничную улыбку.

— Неужели не забыла, те самые? — негромко спросил он, наклоняясь к моему уху.

— Запомнила, — коротко ответила я и высвободила руку под предлогом поправить волосы.

В дальнем конце стола поднялся Борис Аркадьевич. В его руках сверкал тонкий хрусталь с золотистыми пузырьками.

— Друзья! — прогремел его бас, и разговоры сразу стихли. — Сорок лет — возраст, когда мужчина точно знает себе цену. Рядом с Родионом проверенные партнёры и прекрасная жена Лидия, его надёжная опора!

Зал захлопал. Инна приподняла бокал с довольной улыбкой, а Глеб поддержал хлопки чуть вяло, уставившись в свою тарелку. Анжелика сидела через три стула от Бориса — в том самом изумрудном платье — и смотрела на нас спокойно, почти с участием.

По широким стёклам банкетного зала полоснула сухая снежная крупа. Снаружи уже стемнело, и ветер за стенами гудел всё увереннее.

— Лида, твоё слово, — мягко напомнил Родион и легонько коснулся моего локтя. — Все ждут.

Я взяла свой бокал за холодную тонкую ножку.

Поднялась со стула. Тридцать пар глаз — друзья и коллеги мужа — ждали обычной красивой речи о крепком браке.

— С днём рождения, Родион, — сказала я ровно. Голос не дрогнул. — Мы прожили вместе двенадцать лет. Это были хорошие годы, и спасибо тебе за них. И за нашу дочь.

Муж чуть прищурился, одобрительно кивая гостям, но я не закончила.

— Я привезла тебе подарок, который ты давно хотел. Но носить его ты будешь уже без меня. Сегодня я ухожу от тебя и подаю на развод. Выпьем за твою новую жизнь, юбиляр.

В зале повисла такая тишина, что стало слышно, как за окном воет ветер.

У кого-то из женщин звякнула вилка о фарфор. Инна застыла с приоткрытым ртом, забыв опустить бокал. Улыбка с лица Родиона сошла мгновенно.

— Лида, — негромко позвал он, всё ещё пытаясь удержать лицо перед партнёрами. — Прекрати шутить. Сядь, пожалуйста.

— Это не шутка, — ответила я. — Поздравляю ещё раз.

Я поставила нетронутый бокал обратно на скатерть, подхватила со стула клатч и не спеша пошла к выходу. Проходя мимо Анжелики, успела заметить, как она торопливо отвела взгляд в тарелку, прикусив уголок губы.

Приглушённый гул голосов поднялся за спиной только тогда, когда я миновала арку.

Я не пошла в холл — там наверняка дежурили официанты и кто-нибудь из персонала. Вместо этого толкнула высокую стеклянную створку и зашла в тёмный зимний сад.

Здесь было прохладнее. Огромные окна выходили прямо на озеро, и в свете фонарей с террасы видно было, как над белым льдом закручивается плотная метель.

Только оказавшись одна среди больших кадок с фикусами, я опустилась вплетёное кресло и закрыла лицо ладонями.

Плечи затряслись против воли. Весь вечер я держалась из последних сил, и теперь плотину сорвало. Двенадцать лет закончились за три минуты при чужих людях, а в ушах всё ещё стоял его уверенный голос за столом.

Створка за моей спиной тихо скрипнула. Я торопливо смахнула слёзы тыльной стороной ладони и выпрямилась.

— Я не хочу никого… — начала я и осеклась.

На пороге стоял Мирон. Уже без тёмного пальто — в плотной чёрной водолазке, с двумя керамическими кружками в руках. Рядом с его коленом неслышно шагал чёрный лабрадор.

— Администратор видела, куда вы ушли, — спокойно сказал Мирон и поставил одну кружку на низкий плетёный столик передо мной. Над тёмным чаем поднимался лёгкий пар. — Решил, что горячий чай сейчас нужнее воды со льдом.

— Спасибо, — выдохнула я. — Весь зал сейчас, наверное, шепчется за моей спиной.

Барон подошёл, мягко ткнулся мокрым носом в мою ладонь и положил тяжёлую чёрную голову мне на колени. От тёплой шерсти наконец согрелись замёрзшие пальцы.

Я неожиданно для самой себя фыркнула и рассмеялась сквозь остатки слёз.

— Даже ваша собака меня жалеет?

— Барон не из жалостливых, — ровно ответил Мирон. — Пёс просто чувствует, кому нужна поддержка.

Лабрадор прикрыл глаза под моей рукой. За окнами ветер гнал по крыльцу белые жгуты снега, рамы тихо подрагивали, а здесь впервые за вечер можно было передохнуть.

— Зачем вы вообще вышли ко мне? — спросила я, разглядывая тёмный узор на кружке. — У вас наверняка полно работы.

— Директор следит, чтобы гости не замерзали по углам, — коротко отозвался он.

Мирон чуть наклонился вперёд, опёрся локтями о колени и внимательно посмотрел на меня.

— Решили всё заранее или узнали что-то сегодня? — негромко спросил он.

Я подняла на него глаза. Выдать историю с белым футляром и тестом значило сразу признать своё поражение перед малознакомым мужчиной. Не хватало ещё чужого сочувствия.

— Всё началось не в эту пятницу, — сказала я уклончиво. — Сегодня просто закончилось.

Он кивнул, принимая ответ без лишних допросов. Протянул руку, и большой палец осторожно коснулся моей скулы, стирая слезу.

И я не отстранилась. Наоборот, сама не заметила, как подалась вперёд.

Мирон чуть наклонил голову, перевёл взгляд на мои губы и на секунду замер, давая время отступить.

Я качнулась к нему первой.

Его ладонь скользнула по моей щеке в волосы на затылке, удерживая лицо. Поцелуй вышел внезапным и жадным, безо всяких полумер. После лжи мужа и позора на банкете эта резкая мужская близость вскружила голову быстрее любого напитка.

Мирон целовал уверенно, горячо, придерживая меня за плечо так крепко, чтобы я не успела отступить. Я вцепилась пальцами в мягкий трикотаж его водолазки на груди, отвечая так отчаянно, что сама удивилась собственной смелости.

Где-то у входа в банкетный зал громко звякнула посуда. Мирон разомкнул губы первым, но ещё секунду прижимался лбом к моему лбу, выравнивая сбившееся дыхание.

— Иди наверх, Лида, — тихо сказал он, убирая руку с моей шеи. — Муж скоро пойдёт искать тебя. Не нужно ему находить нас вдвоём здесь.

Спорить было глупо. Я забрала со стола клатч, быстро погладила Барона на прощание и выскользнула через боковой выход прямо к лестнице на второй этаж.

В номере 204 я первым делом щёлкнула внутренней защёлкой на двери.

За окном уже выл настоящий буран — верхушки сосен гнулись под порывами, а снег нёсся сплошной белой пеленой. Я глянула на экран телефона: антенна мигнула последним бледным делением и провалилась в «Нет сети». Отлично. Ещё и связи нет.

Сняла туфли, убрала бордовое платье на вешалку в шкаф. После горячей воды в душе наконец согрелась, натянула шерстяной свитер с джинсами — спускаться вниз я больше не собиралась.

Только расчесала влажные волосы, как в коридоре раздались чёткие шаги.

В дверь постучали. Негромко, но твёрдо.

— Лида, открой, — послышался за деревом приглушённый голос Родиона. — Я знаю, что ты внутри.

Я замерла посреди комнаты, глядя на закрытую защёлку. Подошла ближе, но ручку не тронула.

— Мне не о чем с тобой говорить, Родион. Возвращайся к гостям.

— Не говори глупостей, — попросил он ровно и мягко, без единой злой ноты. — Зачем этот спектакль при Борисе и Глебе? Открой, поговорим спокойно, без зрителей. У нас Маша дома, Лида. Двенадцать лет не выбрасывают в форточку из-за плохого настроения.

Маша. Он всегда умел бить точно туда, где у меня нет брони. Ладони сжались в кулаки, но дверь я не открыла.

— Остынь, Родион. Разговор будет в городе, у адвоката.

За дверью повисла пауза. Я не видела его лица, только слышала, как он тяжело выдохнул у самого косяка.

— Хорошо, — тихо ответил он. — Отдыхай. Я зайду утром. Не закрывайся от меня насовсем.

Через несколько секунд шаги за порогом стихли — он пошёл обратно к лестнице.

Я забралась в постель поверх одеяла, пытаясь унять дрожь в коленях. За стенами завывал буран, время тянулось мучительно долго. Я всё-таки задремала под гул ветра и далёкую музыку из ресторана — проснулась оттого, что на первом этаже был какой-то шум.

Потом по коридору внизу кто-то торопливо пробежал. Со двора донеслись срывающиеся голоса:

— Сюда посвети! Давай сюда!

В груди неприятно сжалось.

Я вскочила с кровати, быстро сунула ноги в зимние сапоги. Накинула длинный пуховик поверх свитера и, застёгивая молнию на ходу, выбежала в коридор.

В холле уже стояло несколько перепуганных гостей в наспех наброшенных куртках. Распахнутая уличная дверь впускала внутрь облака морозного пара и вихри снега. За аркой ресторана до сих пор играла лёгкая музыка, и наружу даже долетел чей-то беззаботный смех.

Я проскочила мимо растерянного Бориса Аркадьевича в тамбуре и сбежала на нижнюю ступеньку крыльца, вцепившись в обледенелые перила.

Снизу, у самой воды, сквозь белую круговерть бурана метался яркий луч. Там, на занесённом причале, стоял на коленях Мирон в тёмном пальто, а рядом напряжённо рычал Барон.

И тут через вой ветра ударил крик Мирона:

— Назад! Никто не подходит к мосткам! Там труп!

Борис Аркадьевич забрал у стоявшего рядом парня запасной фонарь и шагнул на край дорожки. Белый луч лёг прямо на деревянный настил — и выхватил из сугроба знакомую тёмно-зелёную ткань с глубоким вырезом на спине и спутанные метелью светлые волосы.

На досках лицом вниз лежала Анжелика. Когда свет скользнул чуть выше по её шее, я отчётливо разглядела широкие тёмные синяки.

Глава 3. Отрезанный берег

К утру буран стих, но легче не стало. Снег за ночь поднялся до самых перил веранды, а над соснами висело низкое серое небо.

Ещё ночью, после разговора со спасателями по аварийной рации, Мирон с Борисом Аркадьевичем перенесли Анжелику в холодную кладовую за лодочной станцией и заперли на висячий замок. Я простояла у крыльца минут десять, потом ушла в номер, но заснуть до рассвета так и не смогла.

В девять утра почти все собрались в банкетном зале. Свой длинный пуховик я оставила на вешалке в прихожей; сама вышла к завтраку в шерстяном свитере и джинсах, обутая в зимние сапоги.

На столе уже стоял свежезаваренный чай, тарелки с горячими тостами. Почти никто не ел. Борис Аркадьевич расхаживал вдоль окон, а Глеб сидел с краю и нервно тёр правое запястье под манжетой.

Инна жалась к мужу, кутаясь в объёмный кардиган. Родион устроился через стул от меня в тёмной рубашке без пиджака; под глазами у него залегли серые круги.

— Лида, попей хотя бы горячего, — негромко сказал он и пододвинул ко мне чистую чашку. — Ты выглядишь уставшей.

Ни упрёка за вчерашний тост, ни злости. Просто забота, как в те годы, когда я ему ещё верила.

— Спасибо, — ответила я, даже не касаясь ручки.

Со стороны холла вошёл Мирон. Борис Аркадьевич сразу шагнул навстречу от окна.

— Мирон, где полиция? Почему с ночи ни одной машины нет?

— Никто сюда сегодня не приедет, — ровно сказал Мирон, останавливаясь у арки. — Связи нет никакой: вышку на переезде повалило, провода оборвало. Все пути к отелю отрезаны сугробами выше пояса.

— Так ты хоть куда-то пробился? — спросила Инна.

— По аварийной рации я вышел на спасателей. Заявление они передали в дежурную часть, но патруль по завалам не пройдёт — всю технику бросили на федеральную трассу. Нашу ветку начнут чистить только в понедельник утром. Нам велели оставаться в доме и не выгонять машины со двора.

— До понедельника?! — возмутился Борис Аркадьевич. — У меня в десять совет директоров!

Инна тихо охнула. На столе передо мной лежал телефон с короткой надписью «Нет сети». Два дня под одной крышей, без обратной дороги.

— Значит, разбираемся сами, — объявил Борис Аркадьевич, упирая ладони в скатерть. — Девчонка не сама умерла. Ночью кто-то выходил с ней к озеру.

— Хватит нагнетать, — перебил его Глеб, глядя в тарелку. — Может, поскользнулась у края, когда пошла проветриться.

— Синяки на шее от скользкой доски не появляются, — возразила Инна. — Вчера она странно себя вела, весь вечер дёргалась от каждого шороха.

Борис прищурился и медленно обвёл взглядом стол — от Глеба к Родиону, потом ко мне.

Я опустила глаза в чашку. Расскажи я сейчас про белый футляр с красной лентой и тест с двумя полосками — эти люди увидят лишь одно: обманутая жена публично объявила о разводе и получила прямой мотив. Свидетелей у той двери не было, сам тест остался у Родиона. Моя правда сейчас ударит только по мне. Лучше молчать до приезда полиции.

В зал быстрым шагом вошёл Паша с широким подносом и белой салфеткой на согнутой руке. Лицо у парня было серое, пальцы заметно подрагивали, отчего блюдца тихо позвякивали.

Пока Борис спорил с Мироном в дверях о запасе топлива для генератора, а Родион отвернулся к заснеженному стеклу, Паша наклонился через моё плечо за пустым стаканом.

Он задержался на секунду дольше нужного, делая вид, что поправляет край скатерти.

— Лидия Сергеевна, — выдохнул он совсем тихо. — Я видел, кто выходил за ней ночью. Скажу вам вечером, не при всех.

Я подняла голову и поймала его растерянный взгляд.

— Паша, постой… Кто это был?

Паша дёрнулся, сгрёб посуду на поднос и торопливо скрылся за кухонной дверью.

Я осталась сидеть, сцепив под столом пальцы. Он знает, кто выходил ночью. И почему-то побоялся сказать об этом при хозяине отеля или гостях — решил ждать до вечера. А может быть, он хочет отвести подозрения от себя?..

* * *

Через полчаса Мирон надел пальто и вышел из отеля — проверить, держится ли ограждение у причала и не подходил ли кто-нибудь к закрытой кладовой.

Борис остался за столом с Родионом, в который раз проклиная дорожные службы и местную связь. Сидеть рядом под мягкой опекой мужа и косыми взглядами Инны больше не было сил. Минут через пять я ушла в прихожую, накинула пуховик и выбралась на крыльцо.

Дворник с утра уже прочистил узкую тропу к лодочной станции. По бокам от дорожки лежали сугробы по пояс; я дошла до берега и остановилась возле деревянного причала.

Мостки занесло до самых перил сплошной ровной пеленой. На углу трепался край предусмотрительно натянутой красно-белой ленты. Мирон стоял у закрытой кладовой и обернулся на скрип шагов.

— Не сидится в помещении? — спросил он спокойно.

— Хотелось тишины без чужих разговоров, — ответила я и спрятала ладони глубже в карманы. — На берегу всё в порядке?

— Лента на месте, замок никто не трогал. Снег за ночь всё сравнял, смотреть здесь не на что.

Ветер с замёрзшего озера пробирался даже под застёгнутый до горла пуховик. Зубы стучали от холода, хотя куда сильнее трясло от утреннего шёпота Паши. Хотелось выложить Мирону всё — и про ночного свидетеля, и про вчерашний подарок Анжелики.

Вовремя прикусила язык. В закрытом метелью доме чужому мужчине доверять рано, даже если ночью он нежно держал меня за щёку.

— У тебя губы синеют, — Мирон глянул на моё лицо и взял за локоть. — Хватит мёрзнуть на ветру. Пойдём.

Он повёл меня правее, к невысокому рубленому домику у лодочной станции.

— Сторожка, — пояснил он, отпирая дверь. — Летом тут сидит дежурный по причалу, а зимой держим слабый обогрев, чтобы трубы не промёрзли. Заходи, согреешься.

В тесной комнате оказалось по-настоящему тепло. Электрический конвектор у заиндевевшего окна ровно щёлкал, вдоль стены стоял деревянный топчан под серым шерстяным одеялом.

Я присела на скамью и стянула сапоги, затем расстегнула пуховик. Мирон снял пальто, повесил рядом с моим и опустился передо мной на одно колено. Взял мои озябшие руки в свои широкие горячие ладони и начал осторожно растирать каждый палец.

— Глаза красные, — тихо сказал он. — Муж довёл вчера?

— Говорил, что всё исправим ради дочери, — ответила я сухо. — А сегодня ходит за мной с чаем, как примерный семьянин.

— Ты боишься его?

В тёплой комнате плечи впервые за сутки опустились.

— Боюсь, что здесь нельзя верить ни одному человеку, — призналась я.

Мирон поднялся с колена, сел рядом на топчан и убрал прядь волос за моё ухо.

— Ты не одна, — сказал он ровно. — Если хочешь, я доведу тебя до крыльца.

Никакого давления и хозяйского тона, от которого я устала за двенадцать лет. Выбор он оставил мне.

Я сама взялась пальцами за мягкий ворот его серого свитера и потянулась навстречу.

Мирон поцеловал меня сразу и крепко, притянув за талию вплотную к себе. Вчерашнее унижение и утренний страх разом прорвались наружу. За стеной гудел ветер и ждал запертый отель, а здесь можно было держаться за живого человека.

Его ладони скользнули мне под тёплую шерсть на голую поясницу. Я вздрогнула, и он на миг отстранился, глядя прямо в глаза. Я кивнула и сама стянула свой свитер, бросив на табурет. Потом потянула вверх край его одежды.

Торопливо, почти мешая друг другу, мы расстегнули джинсы и его брюки, сбросили всё на дощатый пол. На узком топчане грубое одеяло сразу зашуршало под спиной, и Мирон накрыл меня собой.

Его руки скользили по моей спине и бёдрам уверенно, без суеты. Когда он вошёл в меня — бережно сначала, удерживая за талию и не отводя глаз, — я выдохнула ему в плечо и вцепилась пальцами в край ткани.

Тусклый зимний свет едва пробивался сквозь морозное стекло, обогреватель тихо щёлкал у стены. Мы двигались в одном темпе, пытаясь вытеснить из мыслей запертый отель и страх перед вечером. Мирон целовал мою шею, прижимал бёдра сильнее с каждым толчком, пока горячая волна не накрыла целиком. Я уткнулась лбом в его ключицу, а следом он замер сверху, тяжело дыша мне в висок.

Минут десять мы лежали тихо под краем одеяла. Мирон перебирал мои растрёпанные пряди, потом поднялся первым.

— Скоро обед, — сказал он, подбирая с пола свою одежду. — Не стоит надолго пропадать вдвоём. Гостям сейчас хватит сплетен и без нас.

Я заставила себя сесть. Натянула бельё и джинсы, влезла обратно в тёплый свитер. Мирон уже оделся и ждал у двери в пальто; я быстро обулась в сапоги и застегнула пуховик.

На тропинку мы вышли с разницей в пару минут, чтобы вернуться в дом поодиночке.

* * *

К шести часам в холле зажгли люстры. Я разделась в прихожей и вошла в банкетный зал.

Родион сразу перехватил меня у арки с чашкой горячего чая.

— Лида, где ты пропадала? — спросил он с тихой укоризной. — Я весь дом обошёл.

— Гуляла вокруг отеля, хотела подышать.

Я забрала чашку, уклоняясь от его руки, и обвела глазами зал. Две официантки в белых фартуках расставляли к ужину тарелки и графины с морсом. Паши среди них не было.

До ужина оставались считаные минуты.

Я подошла к высокой девушке у крайнего стола.

— Скажите, а где Паша? Он ведь должен работать в ужин?

Та растерянно глянула в сторону кухни.

— Он ещё час назад пошёл в нижний погреб за водой и напитками. И пропал. Мы думали, задержался на складе, а там пусто.

Я торопливо поставила кружку на скатерть.

Мирон, стоявший у приёмной стойки со связкой ключей, услышал эти слова и сразу подошёл к нам.

— В нижний погреб? — переспросил он коротко.

— Да, большой ключ у администратора брал, — кивнула девушка.

Борис Аркадьевич шагнул из-за стола, застёгивая пиджак.

— Погоди, я с тобой спущусь.

— И я пойду, — добавил Родион.

— Все оставайтесь здесь, — твёрдо остановил их Мирон, снимая со стойки большой фонарь.

Он один открыл тяжёлую дубовую дверь под лестницей и спустился по крутым каменным ступеням.

Я не сдвинулась с места, глядя на закрытую створку. В зале стало тихо — замолчал даже Борис Аркадьевич. Родион встал в полушаге сзади меня, не произнося ни слова.

Прошло минуты три.

Снизу донеслись быстрые шаги по камню.

Дубовая дверь открылась. Мирон вышел в холл один. Захлопнул створку за спиной, вставил ключ и дважды провернул в замке.

Хватило одного взгляда на его побелевшее лицо.

— Ну что там? — поторопил Борис Аркадьевич. — Уснул парень внизу?

Мирон посмотрел сначала на меня, потом на остальных.

— В погреб никто не идёт, — сказал он ровно и тяжело. — Паша мёртв.

За окнами гудел ветер. В зале не раздалось ни звука.

Паша обещал рассказать мне всё вечером. Вечер наступил. Паши больше не было.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.